

Цензура США запретила всем побывавшим во Вьетнаме
давать какие бы то ни было интервью.

ЯСНО БЕЗ СЛОВ...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

«ГОВОРИЛА НАША БАВКА ДО САМОЇ СМЕРТІ, ТА ВСЕ ЧОРТ ЗНА ЩО..?»

Приятно, знаете, просыпаться по утрам с сознанием, что ты любим. Не только женой. Любовь жены имеет некоторый служебный оттенок. Жена обязана любить. На то она и жена. И даже любовь непосредственного вышестоящего начальника не может так приятно щекотать самолюбие, как любовь, которую я имею в виду.

Меня любят очень почтенные и облеченные высокой властью люди. Их волнует, как я спал, что ел, какое у меня настроение, артериальное давление и т. д. и т. п. Сии почтенные граждане, обремененные государственными заботами, выкраивают время (а время, как известно, деньги) для того, чтобы любить меня, заботиться обо мне, сочувствовать мне.

Не хочу, чтобы обо мне подумали, будто я эгоист. Не хочу преувеличивать значение собственной личности в современной истории. Любят не только меня. Если разобраться, то на мою долю приходится примерно одна сорокашестимиллионная долька этой любви. Может, чуточку больше, может, чуточку меньше. Не будем мелочными.

Меня и еще сорок шесть миллионов мужчин и женщин моего народа любят американские конгрессмены. Да, теперь я окончательно и бесповоротно уверовал в то, что Соединенные Штаты — богатейшая страна в мире. Это же надо! У самих столько забот, у самих многомиллионный народ, о котором нужно заботиться, и вот находят люди место в своем сердце для любви к другому, далекому от них украинскому народу! Что за богатство чувств! Что за щедрость душевная!

Я человек не сентиментальный, но мужская и не очень даже скупая слеза умиления уже готова была соскользнуть по моей щеке, если бы не некоторые обстоятельства. Чувство умиления было несколько подавлено чувством удивления.

Выступая в конгрессе, сенатор-республиканец от штата Нью-Йорк Джекоб Джавитс недавно заявил, что «все американцы должны осудить порабощение этого когда-то свободного (имеют в виду меня и еще сорок шесть миллионов граждан) народа». Выходит, я, равно как и весь украинский народ, был когда-то свободным. А теперь я, равно как и весь украинский народ, оказался порабощенным. Когда и как это могло произойти — ума не приложу. Не может же быть, чтобы почтенный сенатор, окончивший Нью-йоркский университет, так безнадежно плавал в новейшей истории! Видимо, он сказал, что пятьдесят лет назад украинский народ, как и русский, белорусский, грузинский, казахский и еще многие другие народы Российской империи, был порабощен царским самодержавием. А не шибко знающий английский язык переводчик поставил фразу с ног на голову.

Но оказалось, что переводчик совсем ни при чем. Сенатор-демократ от штата Висконсин Гейлорд Нельсон высказался так же конкретно, как и сенатор-республиканец Джекоб Джавитс. Гейлорд Нельсон призвал своих соотечественников «вспомнить великие страдания и нищету этой покоренной нации...». Имелась в виду опять-таки моя нация. Не буду спорить с мистером Нельсоном. За свою многовековую историю украинской нации не

раз приходилось переживать и великие страдания и великую нищету. Именно эти страдания и эта нищета сделали многих моих земляков изгнанниками. Тысячи украинцев из-за нищеты и страданий вынуждены были эмигрировать за океан.

Может быть, душевный сенатор-демократ имеет в виду именно этих людей и именно тот отрезок истории украинского народа, когда он был нищим и угнетенным? Нет. Мистер Нельсон интересуется только последним пятидесятилетием. Он имеет в виду «нищету» нации, которая населяет территорию Украинской Советской Социалистической Республики.

Конгрессмен-демократ Дэниэл Флад (штат Пенсильвания) заявил в палате представителей, что «Украина — это колония коммунистической России». Заявление было кратким и безапелляционным, как топор.

Одно дело — просыпаться с сознанием, что тебя любят, о тебе думают и заботятся. И другое дело, проснувшись, узнать, что ты нищий страдалец плюс к тому же колонизированный. Это, как говорят в одном из городов «порабощенной» Украины, Одессе, две большие разницы.

Коль скоро зашла речь о страданиях, я начал страдать. Страдать над ворохом неразрешенных вопросов. Например, я вспомнил, что на территории «коммунистической России», а именно в городе Горьком, у меня живет родной дядя. Не колонизатор ли он случайно? Правда, пробкового шлема дядя не носил никогда, это я хорошо помню. Но не были ли скрыты в глубине его души кое-какие колонизаторские тенденции? Чего не знаю, того не знаю! Кстати, прошлым летом дядя гостил у нас в Киеве. Раскрой мне конгрессмен Флад глаза тогда, я бы не проморгал, я бы присмотрелся к дяде получше. Я бы не спешил дарить дяде колониальные товары в виде электробритвы «Харків», например. Помню, дядя остался доволен подарком и даже не удивился тому факту, что в колониях нынче научились делать хорошие электробритвенные приборы.

И тут я почувствовал собственную нищету. Почувствовал, и сразу паршиво на душе стало. Действительно, имею я возможность, скажем, нанять себе парочку ливрейных лакеев? Увы, не имею. А парочку сенаторов? Тоже не имею. Потому что я нищий, да к тому же и порабощенный. А в Штатах каждый рядовой миллионер нанимает столько лакеев и сенаторов, сколько хочет. Вот вам и разница между свободной страной и порабощенной.

Нет, конечно, не все плохо и у нас на Украине. Есть кое-какие достижения. Машины разные делаем, алмазиками искусственными балуемся, хлеб-сало имеем, ну, институт кибернетики, ну, что там еще?.. Мелочи разные в голову лезут. Количесвом студентов похвастаться хотел. Кому это интересно? Сенатору Джавитсу или сенатору Нельсону? Им это ни к чему. Они меня любят беденьким, нищенским и порабощенным. Зачем разбивать их иллюзии? Но хочется все же показать, что и мы не лыком шиты. Вот и бедные, и нищие, и порабощенные, а как-то умудряемся оставлять далеко позади многие весьма прилично развитые страны в целом ряде областей промышленности, науки, культуры. Как это у нас, порабощенных, так выходит — ума не приложу!

Хотелось бы обратиться с этим вопросом к Майклу Фейгану. Грамотный господин, начитанный. Как-никак член палаты представителей от штата Огайо. Он бы, возможно, ответил. Но очень уж занятый человек этот мистер Фейган. Недаром «Всеамериканская конференция по борьбе с коммунизмом» дважды наградила его почетным значком «Бдительный патриот». Тут «бдительному патриоту» третий значок светит, а я полезу со своими вопросами. Конфуз может получиться. Я коммунист, и таких, как я, на Украине несколько миллионов. Жалел нас мистер Фейган, любил нас мистер Фейган, а я ему такую свинью подсуно? Узнают во «Всеамериканской конференции по борьбе с коммунизмом», кого любил и жалел мистер Фейган, и не видать ему третьего значка, как своих ушей.

Украинцы не только умеют варить борщ и сталь, делать экскаваторы и искусственные алмазы. Украинский народ в создании пословиц и поговорок давно достиг мировых стандартов. В качестве образца выношу одну пословицу в заголовке фельетона. Есть, правда, и менее деликатные...

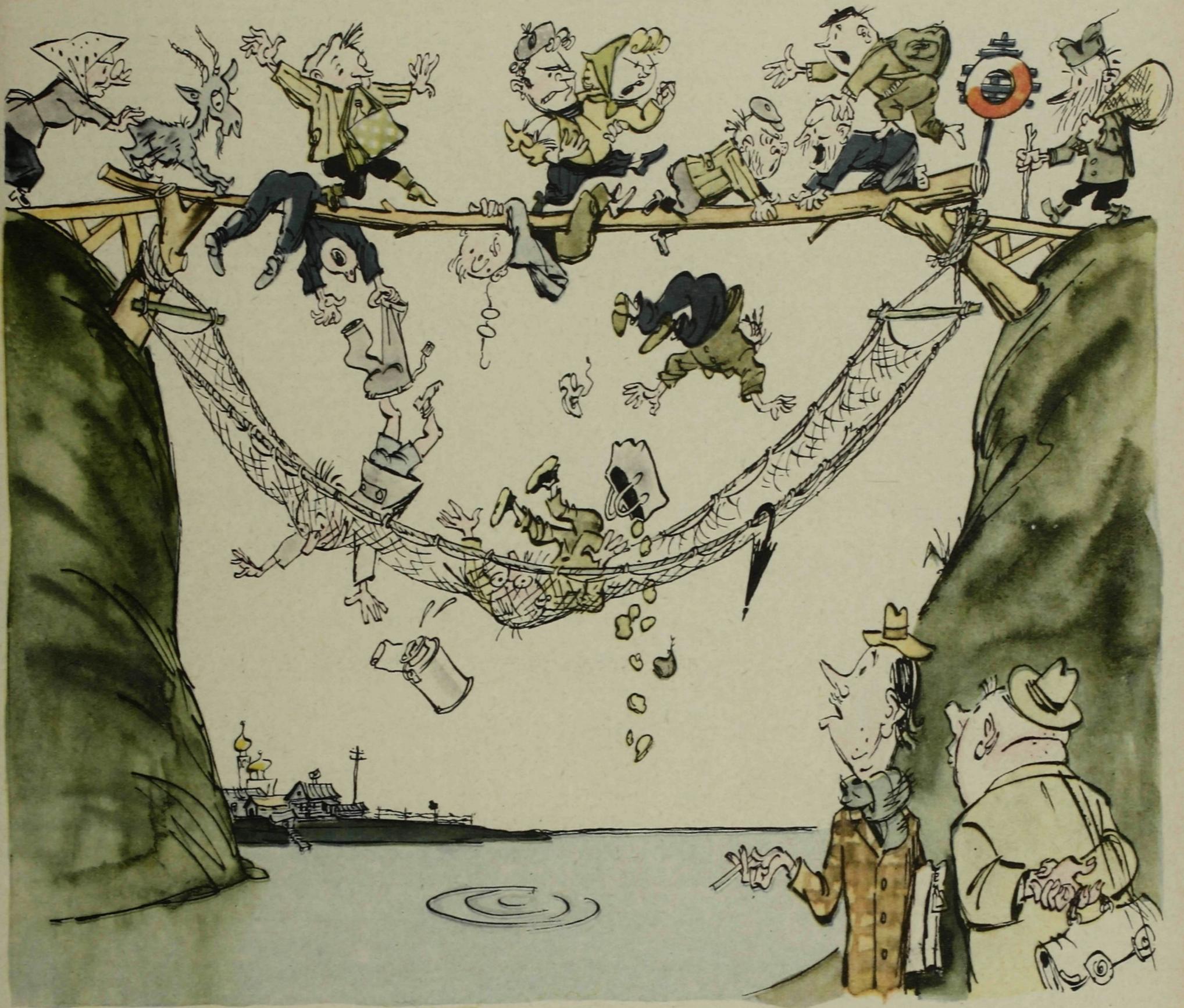

ИЗ ПОДПОЛЬЯ...

Рисунок М. УШАЦА

г. Киев.

Микола БИЛКУН

— Мне кажется, именно такая конструкция моста наиболее экономична и обеспечивает полную безопасность...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Бабкен КАРАПЕТЯН

МАСТЕР ПЕРВОГО РАЗРЯДА

Небывалая сноровка,
Деловой, солидный вид —
Парикмахер Жора Ловкин
В Ереване знаменит.

Парикмахерского аса
Дамы ждут и день и ночь:
Жора — мастер экстра-класса,
«Прима», «Люкс», и проч. и проч.

Он спокойно и бесстрашно
На макушке возведет
Хочешь — домну,
Хочешь — башню,
Хочешь — даже вертолет!

Только взгляд, прищурясь, кинет
И начнет лепить тотчас
Хочешь — тыкву,
Хочешь — дыню,
Хочешь — даже ананас!

Все прически нашей эры —
Вот каков его багаж:
«Приходи ко мне в пещеру»,
«Забегай ко мне в шалаш!»...

Выдаст методом начеса
«Клумбу», «Грядку» и «Погост»,
Превратит девичьи косы
Хочешь — в гриву,
Хочешь — в хвост!

Не боясь любой нагрузки,
Завивает милых дам
По гавайским, по зулусским,
По малайским образцам.

...Рвется Жора на две части.
(Где берет он столько сил?)
Вы представьте: он и мастер,
Он и собственный кассир!

Собирая дань привычно,
Выполняя личный план,
По своим расценкам личным
Набивает он карман.

Ну, а зав вздыхает только
И завидует: «Артист!».
Но молчит... Молчит, поскольку
Сам он на руку нечист.

Жора выглядит героем.
Посмотри со стороны:

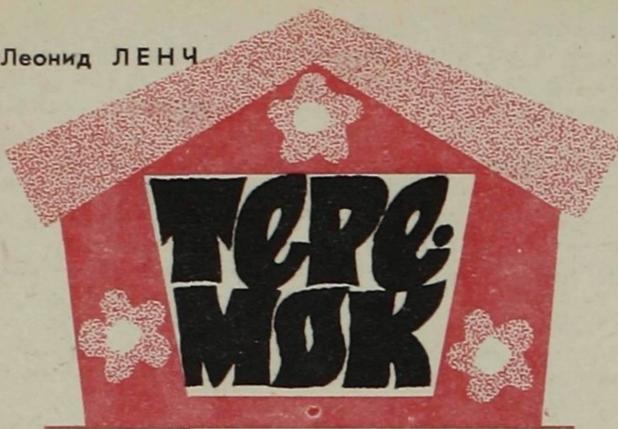
Он за хну сдирает втрое,
Ну, а заву хоть бы хны!

Ничего не проворонит
(Кто учтет его грехи?)
И водой «одеколонит»,
А берет, как за духи.

Если ж кто-нибудь посмеет
Заплатить по таксе, —
что ж,
Жора так его «отбреет»,
Что волос не соберешь!

И живет себе в услужу,
Получая за троих,
Мастер первого разряда
И гроссмейстер чаевых!

Перевел с армянского
Мих. РАСКАТОВ

[Старая сказка на новый лад]

Муравьи нашли в лесу лошадиную голову-громадину, оглодали ее, почистили, и получился отменно благоустроенный терем-теремок.

Полюбовались они на свою работу и уползли на другой объект, а присматривать за теремком оставили мелкую сошку — Мушку-поглядушку.

Прибежала Мышка-ворушка.

— Я буду в этом тереме жить.

— А ордерок у тебя есть?

— А как же! Вот, пожалуйста!

— Ну, тогда живи. Причитается с тебя по случаю новоселья.

Выставила Мышка-ворушка Мушке-поглядушке,

как полагается, один грамм березового соку и поселилась в лошадиной голове.

День прожила — ничего, а на второй рано утром летит Мушка-поглядушка по своим делишкам и видит: бежит Мышка-ворушка, тащит на хребте лошадиный зуб. Мушка-поглядушка полетела за ней, стала жужжать у Мышки-ворушки над ухом:

— Зачем казенный зуб взяла? Нельзя казенные зубы разбазаривать! Нехорошо жу-жу-жульничать!

— Подумаешь, один несчастный зубок взяла, так она уже разжужжалась! Замолчи, я тебе к вечеру два грамма березового сока принесу!

Хвостиком верть-поверть — и была такова. А вечером, как обещала, принесла Мушке-поглядушке два грамма березового сока особой, экспортной очистки.

Прискакала Лягушка-хватушка.

— Я буду в этом тереме жить.

— А ордерок у тебя есть?

— А как же! Вот, пожалуйста!

— Ну, тогда живи, будешь соседкой Мышки-ворушки. Причитается с тебя по случаю новоселья.

Выставила Лягушка-хватушка Мушке-поглядушке, как полагается, один грамм березового соку и поселилась в лошадиной голове-громадине рядом с Мышкой-ворушкой.

Два дня прожила — ничего, на третий день рано утром летит Мушка-поглядушка по своим делишкам и видит: скачет по лесной дорожке Лягушка-хватушка, тащит на спине два лошадиных зуба.

— Ты их... куды?

— Я их... туды.

— Куды туды?

— На тудыкину гору! Отстань!

— Нельзя казенные зубы разбазаривать. Нехорошо жу-жу-жульничать!

— Брось жужжать! А то я как подскочу да как тебя схвачу!.. Лучше молчи и жди меня к вечеру в гости. Посидим, поквакаем, березовки дернем!

Потом поселились в лошадиной голове Заяц От тюрьмы увертыш, лисица Все потянешь, Волк На все нагадишь, стали жить — поживать да добро воровать.

Мало-помалу, по зубку, по косточке растащили всю лошадиную голову-громадину и разбежались по лесу кто куда. Пришел Крот-работяга и видит: вместо лошадиной головы лежат на лесной полянке неприглядные косточки, а над ними вьется Мушка-поглядушка пьяным-пьяна.

Крот-работяга кинулся к Медведю Я вас всех поймаешь — жаловаться.

Пришел Медведь Я вас всех поймаешь, подлетела к нему Мушка-поглядушка, а от нее березовкой так разит, что медведь даже лапой нос себе прикрыл, чтобы не расчихаться на весь лес.

Сгрел он Мушку-поглядушку в другую лапу и, отвернув морду в сторону, грозно прорычал:

— Ты в ответе за это ужасное расхищение лесной собственности!

Мушка-поглядушка жужжит в медвежьей лапе: — Я же мелкая сошка, я же жужжала, спросите жужелицу!

— А березовку с ворюгами кто дул?

МИМОХОДОМ

Повесть о ткачихах была написана суконным языком.

Кладовщик лучше всего умел хранить молчание.

На всех турбазах наблюдалась одна и та же картина: «Не ждали».

Секретарша и в мыслях не допускала никого к начальнику.

Неуплату алиментов он объяснял тем, что любил без памяти.

А. АБРАМОВ

Погода, как женщина: стоит ее только похвалить — она сразу же портится.

Лень по-своему прогрессивна, ибо во всем ищет кратчайшие пути.

Счастливы не тот, кому упадет звезда с неба, а тот, кто ее достанет сам.

Каждый поэт должен находить в себе смелость писать иногда прозой.

Ставя себе памятник уже при жизни, мы облегчаем потомкам заботу о нас.

За славой гоняются те, у кого много свободного времени. Все остальные заняты работой.

А. ТИТОВ

г. Ленинград.

ЕЩЕ О ЗАСЫЛТОРГЕ

— Вот прислали из центра машину, теперь ждем, когда снег пришлют.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

— Я дула. И эту свою ошибку я признаю. Но ведь сама-то я не воровала. Вы бы лучше не теребя времени поискали по лесу этих окаянных воругов!

— Где их теперь найдешь?! Лес велик, ворья много. Сейчас я тебя накажу, побрехушка ты этакая!

Хотел было медведь придавить Мушку-поглядушку, но она стала так ужасно жалобно жужжать у него в лапе, что медведь ее пожалел и сказал:

— За то, что ты проглядела лошадиную голову-громadinу, я тебя перебрасываю со снижением на другой объект. Лети и приглядывай за коровьей лепешкой!

Разжал лапу — и Мушка-поглядушка напрямик полетела на свой новый объект. Вьется над ним, вдыхая его ароматы, и напевает веселую песенку.

А Медведь Я всех вас поймаешь присел на пенек и стал оформлять документацию. Сначала накатал рапорт Льву о том, что во вверенном ему, медведю, лесу произошло хищение лесной собственности и что строгие меры к розыску виновников приняты, а потом составил акт о списании неприглядных лошадиных косточек в законный утиль, чтобы все было по форме, как полагается.

Документацию отправил Льву с подвернувшейся под лапу Сорокой-белобокой воздушной почтой, пошел в свою берлогу и завалился спать. И приснилось ему, что Лев наградил его за примерную службу большой кадучкой меду.

— Это наши шефы из городского треста по благоустройству помогают сажать картофель.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

И СНОВА АХНУЛА ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

После центрального события теперь минул год.

Многое изменилось за год. Общественность, кое-как возмущавшаяся Григорием Степановичем Москаленко, стала возмущаться совсем тихо и смутно.

Григорий же Степанович Москаленко, вначале затаившийся и смиренный, потихоньку выпростал шею из покатых плеч и возмутился общественностью:

— Шепчут они на меня, достаткам завидуют.

У кого дом — полная чаша, на того и зло вешают.

Это было неверно. И пришлось сказать:

— Люди другое вам ставят в счет.

— А про ТО помнить некому, — сказал мой собеседник. — Делов-то!

Но помнили как раз То.

И потому, что даже год спустя содеянное кажется подполковнику нормальным, не диким, а общественность мямлит о ТОМ с ленивым негодованием, стоит припомнить, что было тут год назад.

Событие случилось в селе Ремонтном. Отчасти совестно называть такие просвещенные места селами. Здесь гастрономы, универмаг, свое местное радио, восемь тысяч жителей. Ремонтное больше ходит на город, и под колоннадой Дворца культуры одинаково вьют гнезда деревенская ласточка-касатка и городская ласточка-воронки.

Есть в Ремонтном культурная жизнь, предприятия, своя газета на четырех страницах, интеллигенция. И в Ремонтном произошло событие, которое возмутило бы и глушайший хутор, но тут отозвалось лишь невнятным бурчанием.

Есть в Ремонтном школы. Среди школьников, как везде, не блистает густая россыпь отличников. Дети лезут по частным и колхозным садам, неопасно играют, и по субботам все сельские матери совещаются одну процедуру — придвигают обеденный стол к стене, чтобы после просмотра дневника облегчить себе поимку учащегося.

И вот так в один из вечеров учащийся Богатов заехал на родительском мотоцикле к своему другу Кульбакину.

В восемнадцать часов, завершая катание, школьники остановили мотоцикл возле колхозной бахчи. Восьмиклассник Кульбакин срезал ножом два арбуза.

В восемнадцать десять ребят догнал на своем мотоцикле сын охранника бахчи Иван Ермошенко, в прошлом милиционер, затем кладовщик «Сельхозтехники».

Иван Ермошенко сорвал колпак со свечи зажигания на мотоцикле ребят и уехал.

В восемнадцать двадцать Иван Ермошенко вернулся на машине начальника районной милиции Г. С. Москаленко.

— А за такие дела, — сказал стокилограммовый начальник, вылезши из машины, — надо всыпать вот сюда!

И бревенчатой своей рукой подполковник сделал всыпание, уколол при этом руку о ножик, лежавший в заднем кармане брюк Кульбакина.

Больше слов не было. Ручкой в именных часах, подаренных командованием за безупречную службу, подполковник ударил мальчика по шее, затем — кулаком в живот, затем, уже лежащего, — носком сапога по ноге.

Иван Ермошенко стоял рядом и не препятствовал.

— Связаты! — распорядился начмил.

И Иван Ермошенко с высокой степенью надежности связал Толю Кульбакина веревкой, запихал в машину, следом втолкнул Богатова.

— Фамилия? — уже в милиции приступил к дознанию Москаленко.

Толя Кульбакин назвал чужую фамилию.

— Нету таких в Ремонтном, — задумчиво сказал начальник милиции, и в руках у него оказалась резиновая палка.

Через два месяца, неуклюже забираясь, Москаленко твердил, что ударил два раза. Сейчас, через год, он говорит о пяти разгах.

Итак, пять (или десять, или сколько их там было) ударов. Затем Москаленко позвал:

— Велигурин!

Из дежурной явился милиционер Велигурин.

— В камеру! — показал на Кульбакина Москаленко.

Сейчас спокойный, даже бросивший насовсем курение, он говорит:

— Пять раз я ударил, больше не бил. А что врач пишет — это, я думаю, после меня Велигурин работал.

Не будем пересказывать, что пишет районный врач С. Таранов, осмотревший подростка. В заключении идет речь о сетке пересекающихся рубцов.

К полуночи Кульбакина и Богатова вывели в милицейский двор и остригли наголо милицейской машинкой, визжащей и кусающей, как зашибленная дворняжка. Затем приказали: катись по домам. Утром явиться с родителями. Опоздаете — обеспечим явку с овчаркой.

Утром явился один Богатов: к Кульбакину поехала «Скорая помощь». И пока врач на одном конце села выписывал рецепты, в центре села выписывали квитанции: по десять рублей с каждого за мелкое хулиганство.

А теперь проследим путь матери Толи Кульбакина. Она пошла с жалобой в Ремонтненский райком. Райком не помог.

Жалоба в женсовет. Общественность сочувственно покряхтела, и все.

Жалоба в райисполком. Нет ответа.

Она пошла к соседу-фотографу: сними без рубаш-

ки моего сына, я пошлю снимки в область. Мужичина-фотограф сказал:

— Нет у меня умения людей снимать.

Она пошла к другому мужчине, шоферу. Он слышал, как били ее сына, он содержался в этот день в КПЗ под стражей.

— Ты все там слышал, подпиши это письмо.

— Э, нет! — заюлил и захныкал шофер. — Моя специальность дорожная, другой нету. На милицию не задираемся!

Она написала в обком. Обком не ответил.

Сейчас, спустя год, мы стоим во дворе ее усадьбы, и она говорит:

— Местность наша степная, каждому человеку правда видна. Каждый видит, а помочь не идет. Один оказался хорошим человеком — главврач Таранов. Дал справку точную, какие побои были, своих слов назад не берет. Сына вылечил. А сверх того какая в нем сила, во враче? Он не властный.

И Елена Кульбакина написала в Москву, в Министерство охраны общественного порядка.

Москва связалась с Ростовом. Ростов затребовал справку о побоях, свидетелях. Ростов постановил: подполковника Москаленко, рядового Велигурина из органов охраны общественного порядка уволить. Штраф, наложенный на подростков Кульбакина и Богатова, отменить как необоснованный. Но, учитывая большой стаж и отдельные заслуги Москаленко, уголовное дело на него не заводить.

И не завели.

Еще чуть позже спохватился райком: дали бывшему начальнику строгий выговор. И для порядка убрали на пенсию, в тень: пенсия 112 рублей, проживет. А вскоре нашли и работу — начальником дорожного отдела исполкома.

И в степи, где правда всякому видна, люди ахнули: это вот и все наказание? Только-то?

И никто из жителей не остался доволен таким наказанием. В селе Ремонтном по сей день ахают женсовет, мужчина-фотограф, шофер, вся общественность, интеллигенция.

Но ахают аккуратно, через плетень:

— Растелилась коровка-то ваша?

— Куда как, телушку принесла.

— Уж каб не сглазить, не сглазить. А наша худоба бычками сыплет, одно наказание. Москаленке б такое.

— Ему и такого не будет.

— Местной силой его не укусишь!

И не осознавая себя как силу общественность, вздыхая, расходится.

А. МОРАЛЕВИЧ,

специальный корреспондент Крокодила
Село Ремонтное,
Ростовской области.

Потому что без воды...

Не хватало воды в поселке. Победствовали-победствовали жители, да и написали в редакцию. Из поселка Кутулик, Иркутской области было письмо. В Иркутский облисполком для принятия мер его из редакции и направили.

Ладно, направили. Не бог весть какое письмо, не бог весть какое бедствие. В Каракумах, например, с водой намного хуже. Там, например, длиннейший канал для этого копают. А в Аравийской пустыне и того нет.

Ну, а здесь просто новым колодезем можно обойтись. Про дополнительный колодез тов. Цымбал нам и написал. Тов. Цымбал — заместитель председателя Иркутского облисполкома.

Выроем им колодез, сообщил тов. Цымбал, а еще водовозные машины туда пустим.

Вырыли новый колодез... рядом со старым. На задворках. Старый все равно скоро завалится, объяснили, вот и пусть он уступает место новому. Так что за водой жители как ходили четыреста метров, так и ходят.

Водовозные машины тоже пробовали приехать, но слишком уж дождливо было окрест. В такую погоду и самолет-то из Иркутского аэропорта опасно выпустить, не то что машину. Не в обиду Аларскому райисполкому будь сказано, дороги в тех местах не для машин созданы. Вернее, для машин не созданы.

В общем, как поется, и ни туды и ни сюды.

Е. М.

Дорогой Крокодил!

Приезжаешь иной раз в гости к землякам на Могилевщину и диву даешься. Красивое село, а название такое, что язык не поворачивается. А дано оно еще во время оно каким-то разгулявшимся помещиком. Например, в Кричевском уезде помещик Пржасмытский назвал одно село Свинное. В Бобруйском районе есть деревня Волчья Яма. Есть Дуриничи. В Кировском районе — деревня Измена, в Глусском — Кныши и Незнание. В Шкловском районе сохранились даже Черепы и Насильники, в Быховском районе есть село Козел, а в Хотимском — Бараны и Терпиловка. Много чего есть. И на фоне современных названий — Светлое, Мирное, Васильковское — все эти Черепы да Дуриничи выглядят смутно и сумрачно.

В. РЯБЦЕВ

г. Минск.

Обошлись...

— Вы не представляете, — сказала тов. Гладкова тов. Ларину, — как необходимо нам стол. Ведь мы, понимаете, пишем.

— Почему же не представляем? — возразил тов. Ларин тов. Гладковой. — Срочно переводите сто восемьдесят рублей.

Тов. Гладкова — это редактор меленковской районной газеты «Коммунар». Тов. Ларин — директор Муромской мебельной фабрики. Директор заверил редактора, что стол будет готов через несколько дней.

Через несколько дней стола не было. Через несколько недель стола тоже не было. Тогда тов. Гладкова позвонила тов. Ларину и деликатно напомнила, что сто восемьдесят рублей были переведены еще два месяца назад.

— Спасибо, — сказал тов. Ларин и подышал в трубку.

— Нам бы стол, — сказала тов. Гладкова. — Мы, понимаете, пишем.

— Почему же не понимаем? — сказал тов. Ларин. — Стол будет в четверг.

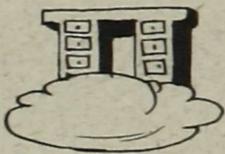
Прошло два четверга. Когда на подходе был третий, редактор опять позвонил директору. Затем это происходило еженедельно. В октябре, ноябре, декабре, январе, феврале... После взаимного приветствия тов. Ларин выжидательно дышал в трубку, а тов. Гладкова говорила, что редакции нужен стол.

— Мы, понимаете, пишем, — уточняла она.

— Как-нибудь обойдетесь, — отвечал директор.

Он оказался прав. Письмо в «Крокодил» тов. Гладкова написала на подоконнике.

Р. К.

Произошло событие, могущее посеять панику. Оно ее сразу и посеяло. Потому что как было: ночной город, тихая улица, небольшой дом... и вдруг из-под земли возле самого дома ударяет в небо загадочный фонтан. А спросонок человек бывает крайне впечатлительным. Поэтому поймите правильно жильца Николаенко, который выскочил из дому в одних трусиках.

И жилец Гойхман в одних трусиках выбежал — поймите и его.

Еще разные жильцы повысыпали кто в чем, восклицая кто что. А навоскливавшись, сбегали к водопроводным задвижкам и отключили водопровод.

Не стало фонтана. Но не стало от этого спокойнее. В доме заскрипели сами собой двери, потихоньку заездили половицы, с потолков посыпалось...

Забили тогда жильцы в набат и побежали в горисполком. В контору коммунальных предприятий тоже сбегали. Рассказали, как им не хочется пострадать от несчастья, которое вот-вот может обрушиться на их головы.

И множество руководящего народа поначалу тоже страшно обеспокоилось и, объединившись в комиссии, наведальсь к ним на улицу Осипенко. Даже геологов с собой прихватили для всестороннего изучения вопроса. А те прихватили бурильный инструмент.

Пробурили землю возле дома, а там, под землей, — ужасно интересный факт. Там забытый всеми, пустой, старинный подвал для вина. Так бы проживающие о нем и не узнали, спасибо, труба поблизости лопнула и водой его заполнила.

— Теперь, значит, — сказали специалисты, — здание ваше осадку дает, однако это не беда. Тем более что мы в нем ремонт будем производить. Таково наше слово.

За словом последовало дело. Приехал трактор и полдня ломал треть дома. Две семьи переселили в другие дома, жилец Гойхман с семьей остался на месте. Трактор как раз до их квартиры добрался, развернулся и угромычал прочь.

Тихо стало. Недели три никакого строительного-ремонтного шума. Только само здание продолжает покряхтывать.

Сходил жилец Гойхман в ЖЭК узнать: может, там просто забыли про них? Оказалось, не забыли. У них даже записано было для памяти. Показали ему записи и обещали жильца Гойхмана заглянуть.

Но не заглянули. Сходил жилец Гойхман в ремстройконтору и там обещание получил. Но тоже никто не нагрязнул в результате. Не пожар же! Другие есть дела, загодя запланированные к тому же.

А уж в доме щели возникли, и солнышко сквозь них посверкивает. В конце концов очутился жилец Гойхман у председателя горисполкома товарища Цуркана.

— Очень даже вот-вот, — были слова товарища Цуркана. — Я сам прослежу, чтоб начинали.

Он, может, и проследил бы, да отпуск у него подошел, и пришлось ему за отдых приниматься.

А за дом принялся его заместитель товарищ Решульский, сказавший, что он-то этого дела так не оставит.

Он-то, может быть, и не оставил бы, но пока то да се, смотрит: а уж и товарищ Цуркан — пожалуйста, вот он. Сидит пришедший из отпуска. И со словами «Посмотрим, посмотрим» снимает телефонную трубку. Это у них спор с Гойхманом вышел. Председатель говорит, что смета на ремонт уже составлена, потому что ему к этому сроку обещали, а жилец Гойхман говорит, что нету сметы, потому что никаких составителей не появлялось.

Снимает тогда председатель трубку и спрашивает начальника ЖЭК Бондаренко, есть ли смета.

— Есть, есть, — отвечает товарищ Бондаренко. — Без пяти минут есть. Позвоните в бюро технической инвентаризации товарищу Бутенко.

— Смета? — переспрашивает товарищ Бутенко. — Нету сметы. Со всем то есть.

— Но будет, — заверяет тогда товарищ Цуркан жильца Гойхмана.

И впрямь в тот же день пришел к дому специалист с блокнотом. Заглянул в подвал и ужаснулся. Отодрал доску от пола и испачкался. Записал что-то в блокнот и ушел. Насовсем то есть.

В конце концов даже секретарь райкома товарищ Савчук сказал свое веское слово о сроках. Но его подвел потом товарищ Цуркан, на слово которого он понадеялся. А того подвел начальник ЖЭК товарищ Бондаренко, которого, в свою очередь, подвел начальник ремстройконторы товарищ Макаренко, которого подвели перебои с цементом, который приходится возить на машинах от самой железной дороги, которая не подведена к городу, который испытывает из-за этого некоторые трудности.

И все оттого, что слово — это средство общения между людьми. Поэтому дом так и стоит до сих пор неотреставрированный. Но и не упавший еще. Тут хоть и Молдавия, разъяснили мне специалисты, но зимой морозно и грунт очень хорошо застывает. Тем более, с начала событий столько воды утекло, что подвал уже весь просох, и теперь неизвестно, рухнет ли дом вообще. А может, он и по весне устоит?

Правда, своим внешним видом дом сильно портил бы общую картину жилищного благоустройства в городе. Но это дело легко поправимое. Взять доски почище, да и нагородить вокруг дома забор повыше.

Так и сделали. Взяти и нагородили. Нашли выход...

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Кагул,
Молдавской ССР.

— У нас частые реорганизации, вот мы и усовершенствовали этот процесс...

Рисунок Б. САВКОВА

— Командировка трудная, — напутствовал меня начальник отдела. — Выполнишь — почет тебе и премия.

И вот я в проходной Новосибирского конденсаторного завода. Здесь собралось человек пятьдесят. Все, как и я, «толкачи», или, как осовременили это слово, «толконавты».

Пройти через проходную поскорее желали все. Но из заводоуправления нам напомнили про верблюда и игольное ушко. А потом все же сжалились и пообещали теплую, дружескую встречу с начальником отдела сбыта здесь же, в проходной. Да еще посулили отметить наши командировочные удостоверения. И это большая удача. На Воронежском заводе радиодеталей их вообще не отмечают, и бедным «толкачам» приходится ставить печать банно-прачечного комбината.

Начальник отдела сбыта тов. Федосеева Л. И. принимала по одному человеку. Выходили от нее «толконавты» такие мрачные, что и без слов было ясно: плохи дела.

И только один вышел, сияя улыбкой:

- Все получаю.
- А сколько тебе надо было?
- Восемь конденсаторов.
- Я уже растянул рот для смеха: все-

ИЗ ДНЕВНИКА

«ТОЛКОНАВТА»

го-то взять в карман, а прилетел из Белоруссии. Но, заметив, что никто даже не улыбнулся, понял: все идет нормально.

Когда я назвал цифру в несколько тысяч конденсаторов, которые задолжал нам завод, на Федосееву это не произвело никакого впечатления.

— Немного дадим, — туманно сказала она.

На второй день я просочился в заводоуправление. Как — моя тайна.

И. о. зам. директора (фамилию я не запомнил) сказал, что выдать все конденсаторы он не может, а лучше он заплатит штраф. Трагически вздыхая, он поведал мне о заводских бедах: устаревшее оборудование, отдаленность от города, острая нехватка

в кадрах... Недавно побывавший на заводе тов. Шарыгин из министерства учел все эти нужды и пообещал помочь. Но когда это еще будет!

— А как же вы погасите задолженность сейчас? — спросил я.

И. о. только руками развел. И все же он помог мне. Я получил право ежедневно бывать на заводе. Но за три дня непрерывного метания по цехам я смог получить лишь около пятисот конденсаторов.

Как-то в цехе я увидел двух суетившихся парней в белых, сильно замасленных халатах. То были «толконавты». Они тут же предложили и мне вплотную «слиться» с жизнью цеха: «Так скорее толку добьешься».

Какая блестящая идея! Ведь за инициативой моих коллег в белых халатах кроется громадное будущее. Можно будет смело расширять заводские площади, почти неограниченно принимать заказы. К примеру, понадобились вам конденсаторы, посылайте на завод 10—15 человек. Они станут к конвейеру, быстренько сделают себе нужное количество, сами же упакуют, сами отгрузят.

Я бросился в цех и потребовал белый халат. Я стал за конвейер, с нетерпением ожидая, когда можно будет выгружать из печей нужные мне конденсаторы.

— Мастер, а мастер! — канючил я. — А может, они уже пересохли? — Я боялся, что «мою порцию» перехватят.

Когда наконец открыли печь, я, обжигая пальцы, стал вытаскивать горячие конденсаторы. И считал, считал...

Потом я, как невиданную драгоценность, сопровождал конденсаторы к установкам для проверки на герметичность и на прочность. Сам же упаковывал, доставлял на склад и там, поражая грузчиков своей прытью, грузил ящики в аэропортовскую машину.

Все были довольны — и коллектив цеха, и грузчики, и я. Хотя командировочное задание было выполнено едва ли на 10 процентов.

...Когда, вернувшись из командировки, я вошел в вестибюль родного заводоуправления, то увидел суетившихся около телефона людей. Теперь я знал: это мои коллеги, «толконавты». И мне захотелось поделиться с ними опытом.

Но я постеснялся. И пошел отчитываться.

А. БОЙКО,

инженер отдела комплектации и кооперирования Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича

Степан Иванович Олейник

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж А. АРУТЮНЯЦА

Степан ОЛЕЙНИК

О делах спортивных

Словно радуясь весне,
Снег ручьями сходит с поля...
Скоро вновь и вам и мне
Волноваться на футболе!

Уж волнуясь и сейчас:
Каковы-то там прогнозы!
Обнаружатся ль у нас
Молодые виртуозы!

Что в командах! Есть ли крен
К свежим силам,
к новой славе!
Иль не будет перемен
В застоявшемся составе!

Ведь весна — пора обнов
Как в природе, так и в спорте!
А кого ж наш спорт готов
Заменить в своей когорте!

Юных ждем! Но, видно, зря.
На прогноз гляжу понуро:
В спорте, честно говоря,
Завелась... «номенклатура».

Есть обойма. Лишь она
Блещет в шуме стадионов,
Хоть давно уже полна
Нестреляющих патронов...

В скольких видах нет как нет
Достижений физкультурных!
В скольких видах —
лишь букет
«Старичков» номенклатурных!..

«Старичков» люблю. Но им
Пожелать хотел к весне я:
Помогите молодым,—
Будем вас любить сильнее!

Ценим ваши имена,—
Их, пожалуйста, храните
Не со скидкой, а сполна:
В их расцвете, в их зените.

Рядом с вами быть должны
Дебютанты вашей школы.
Где гимнасты, бегуны!
Где штангисты, дискоболы!

Звенья славных эстафет
Не грозят ли перерваться!..
Я прошу вас дать ответ,
Бодряки из федераций:

Долго ль будут вам щитом
Лавры наших чемпионов!
Спорт — движенье. И притом
Он — движенье миллионов!..

Предъявляя стих как счет,
Подвожу его к итогу:
Старикам воздав почет,
Молодым давай дорогу!

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

С. КОМИССАРЕНКО

РЕПЕТИЦИЯ

Работал я на экспериментальном заводе. Однажды узнаю: объявили мне выговор. Побежал в отдел кадров:

— За что?

— Не обращайтесь внимания...

Спустя месяц мне снова объявили выговор. Я снова в отдел кадров...

— Да не обращайтесь внимания, работайте себе спокойно!..

В течение следующего месяца мне объявили еще два выговора, затем строгий выговор, затем уволили по согласованию с месткомом за систематическое нарушение трудовой дисциплины...

— Не обращайтесь внимания! — привычно сказали мне в отделе кадров.

— То есть как это не обращать?! Меня же уволили...

— А вы подайте заявление в суд, чтоб восстановили.

Подаю заявление в суд. Не восстанавливают.

— Отлично! — сказали мне в отделе кадров.

— Но ведь я...

— Да при чем тут вы?.. Мы проводим эксперимент, сколько выговоров нужно объявить человеку, чтобы уволить его и чтоб суд потом не восстанавливал! Так сказать, репетируем... Очень нужно нам избавиться от одного человека...

— А я?..

— Вас сегодня же восстановим!

г. Москва

Н. РЫБАКОВ

ЧЬЯ ЖЕНА ЛУЧШЕ?

— Да, так-то вот, друг: первая жена — в тягость, вторая — в радость!..

— И то правда... Вот, к примеру, у меня была первая жена — Ведаси... Ох и характер, должен тебе сказать! Суцая ведьма!..

— И не говори, у меня была точно такая же... И имя у нее было допотопное — Матра. Тьфу!

— Э-э, друг, вот тут ты не прав. Имя это, должен тебе сказать, очень даже симпатичное. Вот мою вторую жену как раз и зовут Матра. Золото, а не жenuшка! А первая жена Ведаси — бр-р!..

— Верно, как у меня. Вторая жена мне попала такая милая. Прихожу домой, не могу на нее налюбоваться: Федосия, говорю,

Федосенька... ах, говорю я ей, ты не человек, а ангел!..

— Э-э, Федосия — это разве имя? Федосия, Федот... Как мужское звучит... Вот Матра — действительно женское имя!

— И не говори мне про такое имя!.. Сразу вспоминаю свою первую жену... Где ты только откопал девушку с таким именем?

— Не девушку, а женщину. Она была замужем за одним дураком по имени Онтон Метри из деревни Полкан-Сола.

— Онтон Метри? Так это же я!

— Первый муж моей второй жены?

— Так не ты ли тот идиот из деревни Капкан-Сола по имени Прокоп Очи — первый муж моей второй жены?

— Э-э, брат, Прокоп Очи — это я, но идиотом называла меня только моя первая жена!..

Так чья же жена лучше?

Перевод с марийского.

г. Йошкар-Ола

Л. СТЕПАНОВ

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

(Сценка в аэропорту)

Из самолета выходит Толстый во всем явно заграничном. В руках потрясающий желтый портфель. Из толпы встречающих отделяется Тонкий.

ТОНКИЙ. Миша?! Ты?!

ТОЛСТЫЙ. Я...

ТОНКИЙ. Скажи, пожалуйста! Вот так встреча!

ТОЛСТЫЙ. Здравствуй, дорогой. Откуда ты?

ТОНКИЙ. А я, понимаешь, даже засомневался! Очень ты, брат, того...

ТОЛСТЫЙ. Немного есть. Естественно: пять лет в Бизнесляндии. А ты, я смотрю, не очень того... Мало изменился.

ТОНКИЙ. Да как-то все некогда. Все больше в дороге.

ТОЛСТЫЙ. А ты где?

ТОНКИЙ. Все там же. Проектируем.

ТОЛСТЫЙ (с сочувствием). А-а! Как же это ты так?

ТОНКИЙ. Аспирантуру, понимаешь, кончил.

ТОЛСТЫЙ. Я тебе точно говорил: не ходи. Не послушал. Пеняй на себя. Ну, ладно. Мне пора. Пойду. А ты звони, может быть, увидимся как-нибудь. На-ка возьми. Это деткам твоим. Они сладкое любят. (Дает плитку шоколада.)

ТОНКИЙ. Да у меня нет детей. Я только женился недавно.

ТОЛСТЫЙ. Будут. Когда вырастут, дашь им. Скажешь, мол, из самой Бизнесляндии. Одна бумажка чего стоит. Культура, брат.

ТОНКИЙ. Спасибо. Адресок бы мой новый записал. Квартиру мне дали.

ТОЛСТЫЙ. Ничего. Я тебя найду, когда понадобится. Ну, бывай здоров. Привет детям.

ТОНКИЙ. Подожди. Я ведь с женой встречаю... Познакомься. (Подзывает жену.)

ТОЛСТЫЙ. Может, потом как-нибудь? Спешу я, понимаешь.

КНИЖИ. Аллочка! Познакомься. Мой товарищ по институту — Алла. В одной группе пять лет. Алла, моя супруга. АСТЫЙ (энергично протягивает). Ряшкин. РА. Ряшкин? Вы, наверное, работаете в отделе моего папы. фамилия Микропоркинг. АСТЫЙ. Микропоркинг?! Ваш папа сам Антип Федулыч? РА. Да. Он начальник бизнес-отдела.

АСТЫЙ. О! Какая приятная данность! (Громко чмокает). А я даже и не знал, что некоторым родом институт-товарищ женат, так сказать, чери самого Антипа Федулыча. Ты мне даже не намекнул. Пошо, Вася.

КНИЖИ. Коля. Меня зовут Никита. А мы с супругом когда-то вместе да... В общем, много всякого да-а... Слушай, Коля, дай-ка эту гадость. Маразм бизнес-кий. (Бросает шоколад в урну).

АСТЫЙ. Ну, да, Коля. А мы с супругом когда-то вместе да... В общем, много всякого да-а... Слушай, Коля, дай-ка эту гадость. Маразм бизнес-кий. (Бросает шоколад в урну).

КНИЖИ. Да нет, знаешь, ничего не идет. Заняты мы. Может, пока-нибудь...

Скв

ИРВЕЛИ

БАБУШКА УМЕРЛА

Историю я не могу рассказать без слез.

Внезапно у меня умерла бабушка. Панихиду пришло много родственников и друзей. Я стоял у гроба покойницы и принимал поздравления. Сотрудники morgа явились в полном составе по очереди подходили ко гробу и пожимали руку и клали в карман небольшие конверты. Я был растроган. Вот, думаю, до чего любят меня мои родственники. Их так огорчила смерть моей бабушки, что у них даже сил выразить мне свое соболезнование устно и они решили сделать это в письменной форме. Мне так хотелось узнать, что пишут мне мои друзья.

Я распечатал конверты и, к моему удивлению, обнаружил в них деньги. Сначала я очень обижался, но оказавшись, мои сослуживцы оценивают скорбь по поводу смерти бабушки в рублях! Надо было вернуть эти коварные деньги!

На одном конверте не было имени, кому они принадлежат. Вот тогда-то и выяснилось, что это деньги моего дяди. Я впервые въехал на своем «Москвиче» во двор, и бабушка выбежала навстречу. Она задумчиво провела рукой

по гляцевому крылу и вздохнула:

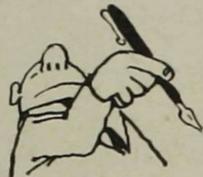
— Бедный дедушка Митя!..
— При чем тут дедушка? — удивился я. — Он умер, когда я еще учился в школе.

— В том-то и дело, — объяснила жена. — Если бы он умер сейчас, мы смогли бы купить дачу в Цхети.

Перевела с грузинского Е. БАРУТЧЕВА.

г. Тбилиси

И. ЛЕМЕШЕК

ФИЛОСОФСКИЙ РАССКАЗ

Можно ли сомневаться, что в жизни все течет, все изменяется? Мы хорошо знаем, что деньги текут сквозь пальцы, а площадь лысины с возрастом изменяется. Но это не самые убедительные примеры.

Вот наиболее убедительный. Я и мой друг Герка окончили Бауманское училище. Мы с Геркой божились, что если сдадим сопромат, то бросим курить, женимся и посвятим жизнь борьбе с бюрократизмом. Герка после сдачи сопромата ухаживал сразу за тремя красивыми девушками. И запутался так, что в конце концов женился на пожилой вдове с окнами на Арбат.

Через два года после окончания Бауманского, когда я уже работал на Урале, мне нужно было по делам ехать в Москву. Я написал Герке письмо: нельзя ли остановиться у него? И получил ответ: «Ты еще смеешь спрашивать, змей?» Подпись:

Т. Мурочев

А года через три на такое же письмо получил ответ: «Конечно, старина». И подпись:

Т. Мурочев

А еще через пару лет он мне ответил: «Приезжай». И подписался:

Т. Мурочев

А еще через год он написал: «В связи с большой загруженностью приложу усилия для выделения Вам времени». Подпись:

Т. Мурочев

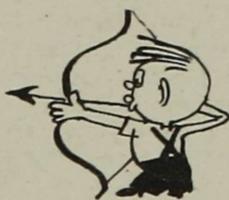
А последнее мое письмо к нему было возвращено назад. В углу его наложена резолюция: «Применные часы по личным вопросам с 11.00 до 13.00». И подпись:

Т. Мурочев

Итак, не будем сомневаться: в жизни все течет, все изменяется.

г. Челябинск.

Ю. ЛЕОНОВ

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ РЕБЕНОК

— Мы уж не представляем, что с ним делать, — жаловалась мамаша, вытирая шарик слезы. — Вчера, гуляя, он оборвал все цветы на клумбе. Угнал чужой мотоцикл и сделал на нем два круга. Теперь нам опять придется иметь дело с милицией. Помогите, прошу вас!

Мы сидели в квартире, через которую, казалось, недавно прошли полчища варваров. Трюмо было перевернуто, и лакированные стенки хранили еще отпечатки пыльных сандалий примерно 30-го размера. Этажерка стояла на диване, а вокруг валялись осколки разбитой посуды.

— Вчера он стрелял из рогатки, — объяснила мама и вздохнула. — Такой сервис, и ни разу не промахнулся...

Мама трагически подняла руки. Мне что-то не очень хотелось встречаться с таким феноменальным ребенком. Но в это время дверь отворилась, и в комнату вошел приличный молодой человек лет пяти-шести с бантиком на шее. Учиво поздоровавшись, он подставил маме лоб для поцелуя.

— Ты уже с прогулки, Котик? — неимоверно сладким голосом пропела она.

— Да, я совершил небольшой моцион, — корректно ответил Котик. — А сейчас пришел искать убежища. Меня преследует дворник.

— Что-нибудь случилось? — взволнованно спросила мамаша.

— Пустяки. Немножко пострадала витрина булочной. Я думал, что стекла там крепче.

Котик медленно приблизился к окну, которое выходило во двор.

— Видите, — зашептала мама, — разве это ребенок? Не успеет появиться на улице, как обязательно что-нибудь натворит...

Мама не дождалась, Котик снова подошел к ней, покосился на меня и что-то шепнул на ухо. Я почувствовал недоброе и приподнялся.

— Нет-нет, Котик... Нельзя. Это нельзя! Дядя добренький...

— Нельзя??? — нахмурился Котик. Он вдруг рванул на себе чистенькую матроску, грохнулся на пол и заорал так, что задребезжали стекла. Мама заломила руки, и вдруг ее взгляд, остановившись на мне, стал таким матерински-кровожадным, что я похолодел.

— Ребенок хочет испытать свой новый лук, — вкрадчиво сказала она. — Разве в этом есть что-нибудь дурное? Котик, дядя согласится положить яблоко на голову...

Я заметил, что мама своей фигурой старается закрыть выход. Мне удалось вырваться, сохранив на память следы пяти намятых ногтей и нескольких укусов, правда, неопасных.

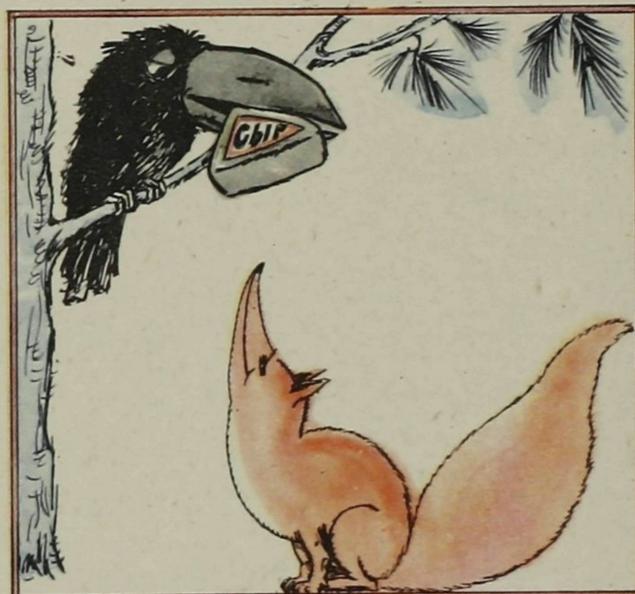
Ну их к черту, этих феноменальных детей!

г. Ульяновск.

ЧЕМОДАН незаменим в дороге

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ПОКУПАЙТЕ ПЛАВЛЕННЫЕ СЫРКИ

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Еще ближе к жизненной правде!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— А ты мне никогда так не улыбалась!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

В. НАЗАРЕНКО

ФАНТАЗИЯ

ОТДЫХАЙТЕ ЗА ПИСАТЕЛЬСКИМ СТОЛОМ!

Прозаик Казухин, окончивший Литературный институт и выпустивший две книжки рассказов, возвращается в родной город. Лежа на полке, он созерцает пейзажи, бегущие в окне, и фантазирует о своей будущей деятельности. Не исключено, думает он, что его изберут секретарем местной писательской организации как человека молодого и инициативного... Как бы себя проявить на этом посту? В городе шестьдесят тысяч жителей. А писателей — с ним вместе — только шесть... Мало, досадно мало. И тогда воображение рисует ему картину за картиной.

...Проводятся конференции в клубах и ЖЭКах. Кружковцы, прежде увлекавшиеся кройкой и шитьем, струнными инструментами и балльными танцами, переходят в литературные кружки. К творчеству привлекаются рыболовы, футбольные болельщики, доминошники и другие неорганизованные лица. Охваченные стремлением к прекрасному, директора продмагов снимают рекламу «Покупайте рыбные палочки!» и украшают витрины афоризмами в обрамлении свежей зелени: «Отдыхайте за писательским столом!», «Каждый должен написать хотя бы один роман или в крайнем случае поэму!».

В шеренги художников слова вливаются дошкольники и ясельники. Еще не владея пишущей машинкой, они надиктовывают в магнитофон потоки фраз — плоды своего ничем не омраченного сознания. Цех детских писателей получает могучее пополнение.

И вот уже считанные дни остаются до того момента, когда абсолютно все горожане станут писателями. Казухин садится за статью «Наш город — город сплошных писателей!» и составляет программу массового писательского гулянья. Но все это откладывается по причине, казалось бы, мелкой и, однако, непреодолимой.

Дело в том, что хотя 59 999 жителей уже перешло из читателей в писатели, один читатель все числится и числится. Это восьмидесятилетний вахтер Люкин.

— Читателем я родился, читателем и помру, — упрямо твердит он.

Казухин ищет пути его переубеждения. Но вдруг становится ясно: Люкина никак нельзя вовлечь в писатели. Ибо городской вычислительный центр установил: если каждый из 59 999 писателей ограничит своим произведением и если полностью закрыть Люкину доступ к произведениям иногородних, все-таки ему понадобится для ознакомления с этой продукцией около шестидесяти лет.

Авторитетная комиссия разрабатывает очередность поступления к Люкину произведений. Комиссия исходит с одной стороны, из предполагаемых духовных запросов Люкина, а с другой — из маститости писателя, дающей право на первоочередное прочтение.

Кроме технических сложностей, возникают и моральные. Незаменимый Люкин требует гонорар за каждый прочитанный печатный лист, горько сетя на то, что все предыдущие годы своей жизни читал совершенно бесплатно. Однако средств на оплату читателя не имеется, ибо никто из писателей гонорара, естественно, не получает, так как Люкин, хотя и читает их книги, но, конечно же, не покупает.

Параллельно обнаруживаются трудности с бумагой. Люкину требуется только один экземпляр произведения, но писатели настаивают на наивысших тиражах как знаке широкого признания. К типографии пристраивают небольшую бумажную фабрику. За вычетом обязательного люкинского экземпляра, весь тираж прямо из печатной машины поступает на фабрику, где превращается в чистую бумагу и — опять в типографию.

Этой анархии кладет конец одно происшествие. А именно — визит Казухина к Люкину.

Как руководитель творческого союза, Казухин, естественно, интересуется: что именно читает Люкин? Не есть ли это как раз его, казухинское, произведение?

Увидев его, Люкин пытается спрятать книгу. Но поздно! Казухину удается распознать: она не что иное, как том сочинений Конан Дойля, прекрасно изданных Гослитиздатом.

Люкин резонно говорит:

— А какая, в сущности, разница? Мне приносят книгу — я расписываюсь. Ведомость приема-сдачи в порядке. К тому же, — добавляет он, будучи человеком начитанным, — никакое искусство не обходится без условности.

И Казухин находит, что все к лучшему. Если оказался условный читатель, то можно внести условность и в писательское дело.

Признается целесообразным отказаться от написания рукописей, а квитанции выдавать после прослушивания авторского замысла. Но поскольку прослушивание 59 999 авторских замыслов все-таки обременительно, происходит дальнейшая рационализация. Квитанции выдаются автоматически, по одной в год каждому художнику слова, без предъявления какой-либо художественной продукции.

И художники слова ничего не имеют против. Им порядком поднадоела творческая деятельность, к которой они не чувствуют призвания. Потихоньку все они вместо работы над образами опять уходят рыбу и играют в домино. А многие даже испытывают потребность что-нибудь почитать.

Выход из создавшегося положения находит одна старая и мудрая электронная машина. Она работает целых полторы секунды и выдает такой ответ: «Пусть те, кто были писателями, станут читателями, а те, кто были читателями, пусть станут писателями».

Сперва находят этот ответ чисто механическим и даже нелепым. Но оказывается: 59 999 писателей с несрываемым удовольствием официально переходят обратно в читатели.

Что касается единственного читателя Люкина, то как раз в это время он дочитывает последний том сочинений Конан Дойля. И, тяготясь бездельем, подает заявку написать приключения Шерлока Холмса на местном материале. Конечно, крупного мастера детективного жанра из него не выходит. Но 59 999 свежих читателей с жадностью набрасываются и на это чтение. А потом появляются еще один писатель. И еще один... Время идет, и постепенно становится в городе опять шесть писателей.

«...А что, — думает Казухин, глядя в окно, — может, больше и не нужно? Кажется, станция. Пойти, что ли, подышать свежим воздухом...»

Иван ЗАКОНОВ

Освоение классиков

Мне для создания жемчужин
Не надо мук

И дар не нужен —

Мне дарят Пушкин, Тютчев,

Блок

Весь свой запас

Бессмертных строк:

«Мой дядя —

самых честных правил,

А милый пол, как пух, легок.

Он уважать себя заставил

Три пары стройных

женских ног...

Сперва мадам за ним ходила

В тулупе, в красном кушаке.

Старушка очень полюбила

В очках и рыжем парике

(Ужели не простите ей

Вы легкомыслия страстей

И юный жар, и юный бред?..)

Кокетства в ней ни капли нет!..

Ее порывы благотворны...

Когда весенний первый гром,

Любви все возрасты покорны

В тумане моря голубом.

Я помню чудное мгновенье:

Вошел — и пробка в потолок!

И божество и вдохновенье,

Бифштекс и страсбургский

пирог!

Кончаю!

Страшно перечить...

Стыдом и страхом замираю...»

Да! Столько

«Строк-находок» есть,

Что выдал циклы б на-гора я!..

Когда бы власть была моя,
Я людям с творческим гореньем
Предоставлять не стал жилья
В домах с центральным отопленьем.

Гиганты сердца и ума,
Терзаясь, корчатся ночами
Из-за того лишь, что дома
Не обеспечены печами.

Бывает, кончишь новый труд
И видишь вдруг, как он ничтожен.
О, если б печь топилась тут,
Он был бы мигом уничтожен!

Но если в доме новый быт —
Сжигать роман на батарее?
Он все равно ведь не сгорит,
Его тепло лишь подогреет.

Что ж делать? Ткнуть его в ведро.
Себя в душе ругнув немного?
Но разве так свое добро
Казнил самокритичный Гоголь?

Нет, радиаторы — обман,
А мусор — трижды издевательство!
Чем на помойку сдать роман,
Уж лучше сдать его в издательство...

Да, если б власть была моя,
Я людям с творческим гореньем
Предоставлять не стал жилья
В домах с центральным отопленьем.

Кишинев

В. ГАБЕЛКО

Без вины виноватый

Театральный механик Рентгенюк сидел с приятелями в подвальчике, пил кагор и жаловался:

— Где справедливость, я спрашиваю? Говорят: «Делай, Рентгенюк, так». Делаю. Говорят: «Делай, Рентгенюк, эдак». Исполняю. А потом мне же строгача закатывают. Это как же?

— Известно, начальство... — поддержали его приятели.

— А начальство тоже думать должно! — повысил голос механик сцены. — Говорил я сколько раз и завхозу и самому Дан Данычу: «Надо редуктор менять. Старый еще с довойны крутится. Чего доброго, сцену в нужный момент не повернешь». «Не мешай», — говорят, — Рентгенюк. Мельпомена думать будет!» Докладные записки писал. Так никто и слушать не захотел. А тут и премьера. «Фауста» ставят. На генеральной редуктор забарахлил и сломался окончательно. И полетели все эффе́нты и Мефистофелевой бабушке!

— Без редуктора, конечно, труба, — рассудили приятели, чокаясь.

— Ну, ясно, сразу все на меня... Дан Даныч больше всех нервничает. «Зарезал!» — кричит. — Завтра премьера! Я так больше не могу! Ухожу в Академический! Как же, ждуть его там! Я, понятно, на крик не реагирую. Молча показываю копии докладных начсет редуктора.

— Рентгенюк дело знает! — одобрительно закивали головами дружки и закусили.

— Покрутилось начальство туда-сюда и опять ко мне: «Рентгенюк, милый, выручай! Чего хочешь проси». «Я, — отвечаю, — новый редуктор хочу. И спецодежду». Опять шум, скандал... А Карасев — элентрик, подхалим — и говорит: «Я, Дан Даныч, могу достать. Хоть завтра. Только наличные нужны». Ну, тот ему руку жмет: «Вот истинный патриот нашего театра! Не то, что другие!» В день премьеры Карасев, ловчила, привез на грузовике редуктор. Зовут меня. Сгрузили, а он весь ржавый. Глянул я на этот металлолом и говорю, как наш худрук: «Типичное не то». Снова шум. Дан Даныч мне истерику закатил. «Изверг!» — кричит. — Через

три часа занавес! Сам товарищ Завывайских приглашен». «Не подходит этот ваш левый утиль, — говорю. — Обороты не те». «Ставь!» — кричит. — Я отвечаю!». Ну, здесь и я психанул. Тоже ведь нервы. «Без письменного приказа, — говорю, — не буду».

— Без письменного нельзя, — согласились приятели, наливая по новой. — Мало ли чего...

— Не успел я остыть, вижу, помреж бежит с приказом.

— На то он и помреж, чтобы бегать, — философски заметили дружки, опрокидывая рюмки.

— Ладно, смонтировал я им редуктор карасевский, чтоб ему!.. Как раз перед третьим звонком последнюю гайку прикрутил. Все шло гладко, пока Мефистофелю не пришло время куплеты петь. В этом месте у Дан Даныча был припасен для зрителей сильный эффе́нт: Сатана поет на площади, а та вертится. Ну, и всякие там световые фокусы. Но меня это уже не касается. Мое дело — сцена! — гордо сказал Рентгенюк. Налил и продолжил: — Пока оркестр вступление играл, я кое-как обороты тормозами регулировал. А как Сатана стал править бал, и тормоза не помогли. Отказало проклятое старье! Ну, сцена волчком пошла. Шабаш, да и только! На сцене при такой карусели, ясное дело, ничего не осталось. Скорость такая, что в пору космонавтов тренировать. Один Мефистофель на середине без парика мотается и орет: «Люди гибнут за металл! Люди гибнут за...» В общем, и его снесло. Прямо в оркестр, на барабан...

Что в зрительном зале творилось, сказать страшно. Вызывали без конца. «Скорая» у театра все время дежурила. Потом в «Театральной жизни» писали: «Свежий замысел режиссера поразил выдавших виды критиков...» А мне выговор объявили за нарушение техники безопасности. Разве не обидно? — горько спросил механик.

— Против начальства не попрешь, — сказали Рентгенюку приятели, распечатывая новую бутылку.

г. Минск.

ПРИЕМКА ТОВАРА

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

— Откуда такого привела?
— По художественной лотерее выиграла.

Рисунок М. СОКОЛОВА

По правилам хорошего тона

Приятель на днях принес мне пять книжек. Открыв одну из них, он прочитал: «Мнение об интеллигентности человека очень часто составляют по его внешнему облику, по манере говорить, выражаться, вести себя».

— Неплохой афоризм. Кто это? — спросил я.
— Наверное, Аристотель. К стати, познакомься с советами. Тебе полезно.

«Как себя вести», — прочитал я заголовок. В общем-то, у меня были некоторые смутные представления о том, что при встрече со знакомыми полагается здороваться и что в гостях не едят руками. Но в них явно не хватало си-

стемы. И я с надеждой перевернул обложку. Первый же абзац подтвердил, что интуиция меня не обманула. «Встречаясь со знакомыми людьми, с которыми вы хотите поговорить, непременно поздоровайтесь...»

Я глотал главы и чувствовал, что становлюсь культурным человеком. Уж теперь я не буду выбегать «утром за покупками в соседний магазин в домашнем халате и ночных туфлях», потому что это «более чем предосудительно».

Теперь я не буду на улице «громко смеяться, насвистывать, напевать». Днем это, оказывается, неприлично. «Ночью же — не только неприлично, но и бесцеремонно по отношению к жителям».

Дальше я узнал, что, хотя «цель и смысл жизни нельзя видеть в еде», надо все-таки знать, «когда пользуются вилкой и ножом», причем «вилку держат в левой руке, нож — в правой». Я узнал также, что «в давние времена считалось неприличным ходить без шляпы. В настоящее время, особенно летом, головного убора зачастую не носят». Что «в автобус входят с задней площадки, а выходят с передней, причем только на остановках».

Я узнал, что если в кафе вас плохо обслужили, то «свои замечания или жалобы вы можете записать в книгу жалоб и предложений, которая должна выдаваться по первому требованию», что «официант, как и всякий другой человек, может ошибиться при подсчете».

Тут я понял, что составитель не просто эрудит и мыслитель, но и большой гуманист. Прочитав, наконец, что «книга — прекрасный и полезный подарок», я захотел послать составителю благодарное читательское письмо. Хотя бы от имени всех официантов, ошибающихся при подсчете.

Я стал искать фамилию того, кто сделал меня культурным человеком. Но увы! Издательство было указано — азербайджанский Госиздат. Редактор, оказывается, тоже был — С. Перец. Даже тираж не забыли проставить — 150 тысяч. А вот имени составителя почему-то не было.

Ко всем своим достоинствам он оказался еще и скромным человеком.

А так хотелось бы узнать его имя, позжать ему руку! По всем правилам хорошего тона.

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ

ПРИВИДЕНИЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ В ПОЛНОЧЬ...

Утром в селе Олень-Колодезь только и разговору было, что о ночном происшествии.

— Выглянула ненароком из окошка, — рассказывала старушка Парфентьевна, — а оно, что? Оно стоит возле хлева... И главное, что? Главное, зубами стучит.

— Привидения, они все такие, — со знанием дела отметили ее подружки. — Однако не приведи господь увидеть.

В следующую ночь на улице села появилась уже целая вереница привидений. Они ужасно трещали своими накрахмаленными одеяниями и несдержанно похихикивали.

Совхозная общественность сначала недоверчиво отнеслась к этой мистике. Но после того, как некоторые давно вставшие на путь атеизма старушки вновь зачастили в церковь, забила тревогу. Была устроена засада. Каково же было удивление одной из участниц этой засады, завуча местной школы А. П. Карташовой, когда она узнала в белых похихикивающих призраках... своих учеников.

— Таланты! — всплеснула она руками. — Недаром они в прошлом активные участники самодеятельности.

В прошлом? Что она имела в виду? Надо думать, лишь то, что в селе Олень-Колодезь, Новоусманского района, Воронежской области, был когда-то клуб. Однако с тех пор, как он был закрыт (справедливости ради надо сказать, что сперва начало разваливаться само здание, а потом уже работа в нем), совхозная молодежь как-то притерпелась к отсутствию клубного очага. Пойдешь в один конец села, потом в другой, потом вокруг села, потом обратно — глядишь, и воскресенье пролетело!..

Конечно, не все молодые люди проводят выходной так содержательно, некоторые и в этих условиях продолжают развивать свои самодеятельные таланты. Например, хор (пьяных) устраивает репетиции у торговых точек, драмкружковцы принимают участие в постановках с драками. Осваивается, как видим, и сложное искусство пантомимы — в ночное время на улицах появляются белые немые привидения...

— У нас такое ощущение, как будто в селе раньше не хватало одного клуба, а теперь не хватает двух, — скорбно говорят жители Олень-Колодезя.

— Почему?

— Потому, что стало два выходных.

Л. ЕГОРОВА

КУДА МОЛЛЮСКАМ!..

До сих пор образцом медлительности считались улитки и черепахи. А ведь, по правде говоря, кое-кто давно оставил их позади. Извините, не позади, а впереди. Точнее, отстал от них, побив рекорд медлительности.

Только, видно, из скромности победители не спешат объявить об этом громогласно. За них сделаем это мы. Трудятся эти рекордсмены на Московской железной дороге. Любезно приняв в Москве от представителей Упртехснаба груз — 12 ящиков слесарных инструментов, отправленных пассажирской скоростью, они ровно через 89 дней доставили его в Луганск.

Всякие там улитки и черепахи, узнав о таком рекорде, от зависти, пожалуй, выскочат из своей брони...

Но рекордсменам с Московской товарной станции рано праздновать победу. Рекорд побит их же коллегами с товарной станции Луганск. Они доставили груз получателю — Луганскому комбинату хлебопродуктов, находящемуся от станции в пяти километрах... через 43 дня! Значит, двигали груз со скоростью аж 116 метров в день!

Б. САВЕЛЬЕВ

В ЧИКАГО БУДЕТ ЖАРКО

Предвыборная кампания у нас уже в разгаре, и я не мог удержаться от искушения заглянуть к своему старому знакомому Джо Крипу, крупной шишке того крыла демократической партии, которое еще сохраняет верность президенту.

— Джо,— спросил я,— как готовятся твои ребята к национальному съезду демократической партии в Чикаго двадцать шестого августа?

— Ого, еще как готовятся! Мы увеличили контингент полиции на пятьсот человек. Таким образом, у нас теперь одиннадцать с половиной тысяч полицейских. Причем у них не только пистолеты, винтовки и гранаты со слезоточивым газом, мы выдаем им штурмовые каски, пулезащитные жилеты и противогазы. Мы также...

— Но я имел в виду... — Понимаю... Ты хотел спросить, будут ли в нашем распоряжении войска, чтобы поддержать полицию? Могу тебя обрадовать: будут и войска и танки.

— Послушай, Джо, я имел в виду политическую подготовку к съезду. Думает ли демократическая партия о предвыборной программе? Какую позицию вы займете по вьетнамской войне, а также относительно кризиса больших городов, инфляции, налогов и других проблем?

— Кто в окружении президента думает об этой чепухе?— удивился мой друг.— Сейчас нам это и в голову не идет. Всегда можно в последнюю минуту собрать пять или десять секретарш, и они миглом скोलотят любую избирательную платформу с обещаниями бесплатного пива, рая на земле и прочих привлекательных вещей.

Даже мир во всем мире можно включить. Помнишь, президент Джонсон обещал мир еще на прошлых президентских выборах? Так что о программе не беспокойся. Беспокоиться надо о демонстрациях в защиту мира, негритянских демонстрациях, даже демонстрациях хиппи.

— Я не совсем улавливаю...

— Ты что, газет не читаешь?— спросил Джо сер-

дито.— Нет, друг, мы готовимся к крупному августовскому вторжению врага, причем вторжению с разных направлений. Мало нам неприятностей, причиненных этими раскольниками Робертом Кеннеди и Маккарти. А тут еще организации в защиту мира грозятся доставить к съезду в Чикаго тысячи своих активистов. Черные тоже вопят о своих правах и готовятся к массовому походу на город. Негритянский комик Дик Григори обещает организовать круглосуточные пикеты пяти тысяч негров у зала, где будет проходить съезд. Тот еще комик! А если тебе всего этого мало, вождь хиппи, бывший профессор

Тимоти Лири, собирается напустить на нас орды своих длинноволосых последователей.

Джо даже затрясся от бешенства. Чтобы хоть как-то его успокоить, я мягко сказал ему:

— Я начинаю понимать твои заботы, Джо. Но скажи, почему же демократическая партия в таком случае выбрала для съезда Чикаго? Ведь, помимо сторонников мира, негров и хиппи, Чикаго вообще спокойный город, в котором легко может произойти социальный взрыв. Почему вы не выбрали курортный городок Майами, как это сделали республиканцы?

Джо на минуту задумался, а потом вздохнул:

— Ведь демократическая партия — партия народа, представляющая различные слои населения, партия бедных и угнетенных, белых и черных, партия, которая жаждет мира во Вьетнаме, но, разумеется, мира с победой и честью, партия великого общества... Тьфу! У меня даже язык вяжет от этих слов! Все это мы так или иначе всунем в программу. Сейчас нам нужны не слова, а винтовки. А если говорить откровенно, то, конечно, нужно было выбрать Майами. Правда, в августе там чертовски жарко, но в Чикаго, наверное, будет еще жарче...

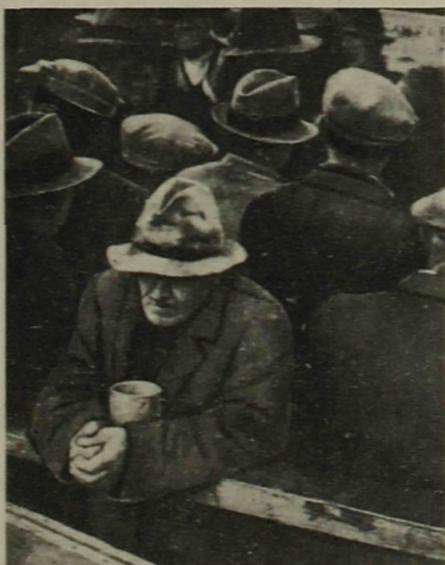
Перевод с английского.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗРАИЛЯ В США:
— Покупаю! Заверните в эту бумажку.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Два лица нищеты

Перед нами два снимка. Два человека, раздавленные нищетой, безысходностью, отчаянием. Левый снимок был сделан в начале тридцатых годов, правый опубликован газетой «Нью-Йорк таймс» совсем недавно. Между этими жертвами «американского образа жизни» дорога длиною в тридцать с лишним лет. Что изменилось за эти годы?

Изменился фасон шляп. А нищета все та же. Бедность не меняется, она консервативна.

Тридцать с лишним лет назад социологи называли положение безработных в США «ужасным». Сегодня группа врачей, докладывавшая сенатской подкомиссии о положении бедных в ряде районов страны, назвала их участь «ужасающей». Тогда говорили о «недоедании», сегодня газета «Нью-Йорк таймс» пишет о «недоедании, приближающемся к дистрофии». Очевидно, не меняются и эпитеты нищеты.

Не меняются и обещания. Были и «равные возможности» и «великое общество», а недавно вице-президент Хэмфри, говоря о программе борьбы с бедностью, призвал: «Давайте включим третью скорость».

Но машина бозьбы с бедностью не просто буксует на месте, она пятится задним ходом. «Мы потрясены тем фактом, что президент представил конгрессу бюджет, в котором и без того недостаточные средства для помощи безработным еще больше урезаются», — гласит резолюция состоявшейся в Вашингтоне конференции безработной молодежи.

Да, меняются лица политиканов, стили речей, фасоны шляп, но нищета, порождаемая капиталистическим обществом, остается без изменений...

«ВСЕСИЛЬНЫЙ КАРДАШИДИ»

— Мама, зачем ты без всякого повода отругала папу? — спросила дочь.

— Видишь ли, ему сейчас предстоит выбивать ковры. А когда он злится на меня, то выбивает ковры намного энергичнее.

Молодой драматург принес в театр свою первую пьесу.

Главный режиссер, прочитав ее, сказал автору:

— Я не могу допустить, чтобы в моем театре произносились грубые слова.

— Но их в моей пьесе нет, — возразил автор.

— Зато их будут часто произносить в зрительном зале.

Молодой врач приехал в больницу на практику. Утром вместе с заведующим отделением он готовится к обходу больных.

— А что означают эти сокращения в историях болезни? — спрашивает молодой врач. — ИМ, ЯДК, ЧЕЗ?

— Мы решили не нервировать понапрасну наших пациентов. И поэтому зашифровали их заболевания. ИМ — означает инфаркт миокарда, ЯДК — язва двенадцатиперстной кишки...

— А ЧЕЗ?

— Черт его знает...

— Шериф, этот парень стоял на Бродвее с протянутой рукой.

— Пятнадцать долларов штрафа.

— Но у него всего только пять.

— Выпусти его на улицу, пусть доберет остальные.

В магазин приняли нового продавца. Перед началом рабочего дня хозяин решил проверить сообразительность новичка и сказал:

— Мы получили дамские платья двух фасонов — один получше, другой похуже. Если придет покупательница, какое платье вы ей предложите: хорошее или плохое?

— Конечно, плохое, сэр, — ответил новый продавец.

— Вот и правильно, — сказал хозяин. — Надо убедить ее взять хорошее, потому что на следующий день она все равно придет его менять, и тогда можно будет всучить ей плохое.

Мужчина зашел в вестибюль нью-йоркского отеля «Уолдорф-Астория» и сказал портье:

— Будьте любезны, разбудите меня завтра в шесть часов утра. Какая комната? Я сплю на скамейке в парке, напротив гостиницы.

Карл и Марта были помолвлены. Все поздравляют их, один Петер молчит.

— А почему ты не поздравляешь, Петер?

— Я не могу...

— Не можешь? Почему?

— Я не знаю невесту, поэтому не могу поздравить жениха, но я знаю жениха, и поэтому не могу поздравить невесту!

В городе было уже пять параллельных торгов, и тем не менее встал вопрос об организации шестого. Эта идея родилась в голове гражданина Кардашиди, коренного жителя города Сухуми. Стоило Кардашиди сформулировать свои мысли вслух, как его тут же облепили дородные люди в больших широченных кепках. Все они жаждали обособиться за прилавком новой товаропроводящей точки.

Штат был укомплектован, не сходя с места. Управляющий одесским трестом Черноморского пароходства Запорощенко идею в целом одобрил, а начальник Сухумского морского порта Эшба энтузиастов поддержал.

Из Одессы последовал приказ. Он повелевал без каких-либо промедлений открыть в Сухумском порту базу снабжения плавсостава.

Но операции по безналичному расчету никого не устраивали. Ни самого Кардашиди, ни его ближайшего помощника Мацкеплишвили, ни всех остальных. Люди в больших кепках жаждали общения с потребителем, чтобы, принимая деньги из рук в руки, ощущать тепло покупательских рублей.

Именно поэтому одновременно с базой на территории Сухумского порта был открыт большой промтоварный магазин. Самовольно и без приказа. Магазин был до отказа набит товарами, которые тут же побили в распродажу оптом и в розницу.

Спустя полтора года в «Крокодиле» появился фельетон о магазине, который бойко продолжал торговать на бойком месте.

Для проверки фактов, изложенных в фельетоне, Абхазский обком партии создал комиссию. Одновременно с комиссией обкома на территории порта появилась комиссия Грузинского морского пароходства. Были и другие.

Выводы этих комиссий обобщены в письме Абхазского обкома партии. Оно адресовано в редакцию и подписано секретарем обкома В. О. Кобахия.

«Абхазский обком КП Грузии проверил факты, изложенные в фельетоне «Всесильный Кардашиди», — говорится в этом письме, — и установил, что открытие в г. Сухуми базы потийской конторы «Главторгмортранс»... было вызвано необходимостью и произведено на законных основаниях (приказ № 145 от 11 мая 1964 г. по Одесскому тресту ресторанов «Главторгмортранс» и распоряжение Совета Министров Грузинской ССР № 1407-Р от 9 октября 1964 г.).»

С этим нельзя не согласиться. Приказ действительно есть. База существует законно. Кстати, кто это оспаривал? Речь шла о том, что, прикрываясь вывеской базы, энтузиасты с приморского бульвара незаконно создали предприятие розничной торговли.

Но, может быть, этот магазин все-таки нужен?

Оказывается, нет.

«В фельетоне правильно ставится вопрос, — пишет тов. Кобахия, —

о необоснованности открытия розничной торговли промышленными товарами в сухумском магазине «Торгмортранс» при наличии в гор. Сухуми «Сухпромторга».

В Сухуми есть и другие торги. Целых пять. Шестой не нужен, это ясно. И обком как будто с этим согласен:

«Открытие смешанного магазина сухумской базы снабжения в марте 1965 года, — продолжает тов. Кобахия, — не вызывалось необходимостью, причем Совет Министров Абхазской АССР уже имел указание первого заместителя председателя Совета Министров Грузинской ССР тов. Чоговадзе Г. И. о запрещении открытия указанного магазина».

В письме тов. Кобахия приводится историческая справка:

«Операции по безналичному расчету указанной базой начаты 21 декабря 1964 года, за наличный — 8 марта 1965 года. Магазин был открыт 7 марта 1965 года».

Здесь явно недостает еще одной даты — 29 ноября 1965 года. В тот день заместитель председателя Совмина Грузии вторично распорядился незаконно существующий в Сухумском порту магазин закрыть, а помещение и оборудование передать Министерству торговли.

С тех пор этого распоряжения никто не отменял. Оно остается в силе по сей день.

Что же мешает его выполнить?

А вот, оказывается, что.

«Закрытие этого магазина, — говорится в письме, — на данном этапе нецелесообразно».

Во-первых: «...в связи с тем, что своевременно открытие промтоварной секции в магазине базы не было предотвращено».

Во-вторых: потому что «... около трех лет план розничного товарооборота указанной базе утверждается соответствующими органами...»

И в-третьих: «...в настоящее время сухумская база приказом министра Морского флота реорганизована в сухумскую контору производственного снабжения общественного питания и торговли...»

Выходит, что если указание заместителя председателя Совмина не было выполнено, то и выполнять его уже не следует!

Однако самым убедительным доводом в пользу основанной негодиком торговой сети является приказ министра Морского флота СССР. Своим приказом он реорганизовал то, что уже давно реорганизовано. Контора в Сухуми существует три года. И, создавая ее, Кардашиди не спрашивал разрешения у министра. Приказ понадобился лишь после выступления «Крокодила» для того, чтобы узаконить незаконное.

И министр этот приказ подписал. Абхазский обком партии и Совет Министров Абхазской АССР, хотя и признают нецелесообразность ликвидации «промтоварной секции» на данном этапе, считают необходимым поставить перед правительством Грузинской ССР вопрос о закрытии и объединении ведомственных торгов. В целях ликвидации параллелизма. И значительного сокращения управленческого аппарата.

«Вопрос о сохранении в целом сухумской конторы «Торгмортранс» и конкретно промтоварной секции ее магазина будет решен при рассмотрении вопроса о целесообразности сохранения ведомственных торговых систем...»

Что ж, такое решение вполне устроит Кардашиди. Его обозримое будущее безоблачно. Когда еще рассмотрят вопрос о всех ведомственных (и заметим в скобках — законных!) торгах, если за несколько лет не смогли закрыть его приморскую полулегальную точку! Фельетон назывался: «Всесильный Кардашиди».

Откуда же такая большая сила у маленького завбазой?

Есть ли загадка?

В первом номере «Крокодила» за нынешний год был опубликован фельетон «Загадка телячьей сосиски».

В чем заключалась загадка? А в том, что хищение десятков килограммов колбасы никак не отражалось на выполнении планов Киевской колбасной фабрикой. Нечистые на руку работники тянут продукцию, а в фабричных отчетах — полный ажур.

И вот фабричный «треугольник»: директор тов. Гур, секретарь парторганизации тов. Герасимов и председатель фабкома тов. Борутенко — отвечает редакции.

Какие же принять меры?

1. Расхитители Панчук, Синева и Бараболин «обсуждены на собрании».

2. Руководством фабрики «разработаны конкретные мероприятия, направленные на устранение имеющихся недостатков». Какие именно меры — сообщить постеснялись.

3. «Обращено особое внимание на роль актива в воспитательной работе». О том, как намерены эту работу проводить, — ни звука.

Если «треугольник» считает эти общие слова достойным ответом на серьезный фельетон, то, очевидно, никакой загадки не существует. Халатность и безответственность основательно изучены, и ничего загадочного в них нет.

Лаконизма ради

В прошлом году «Крокодил» (№ 27) поместил стихотворение «Неужели?». В нем поэт С. Васильев красочно описал безрадостную судьбу речки Сетуни. В конце стихотворения он спросил:

Неужели все отходы надо сбрасывать сюда, в эти утренние воды, без тревоги и стыда?

Через три месяца в редакцию пришла бумага, подписанная заместителем начальника отдела районного архитектора Ленинского района столицы тов. Захаровым. В ней говорится: «...генеральным планом реконструкции микрорайона Потылиха предусмотрено спрямление русла р. Сетуни, ее обводнение и очистка». Ничего не скажешь, красивая фраза! Правда, в ней, очевидно, ради краткости упущена одна небольшая деталь: план-то был принят около двух лет назад. А за это время рыба в реке, увы, завершила процесс вымирания.

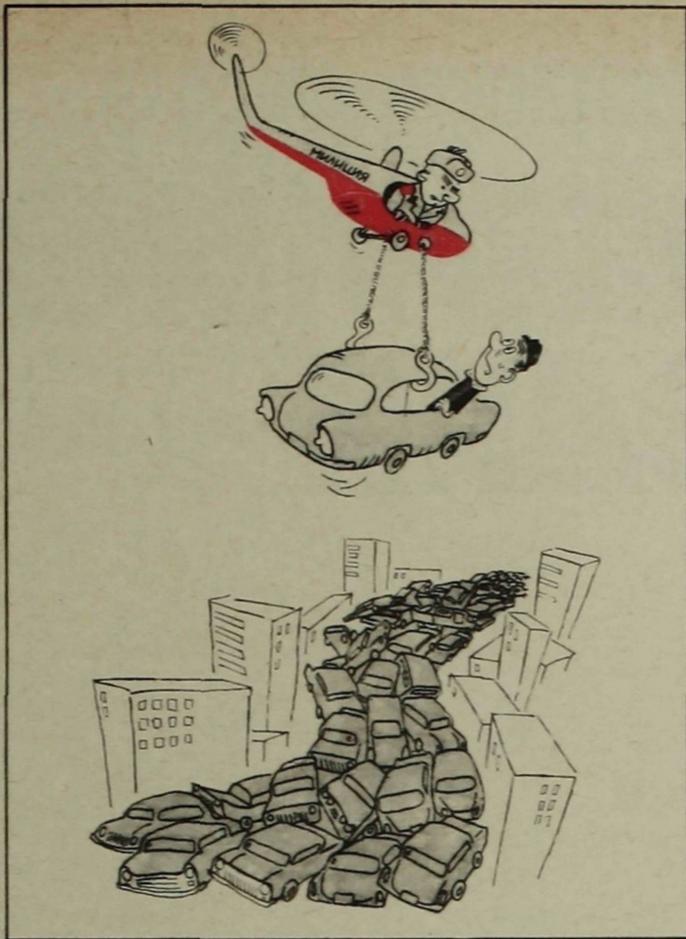
— До чего же это все надоело!

Рисунок Н. КАЛИТИНА

— Перестань, попадешь тете Нюре в глаз!

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Но ведь я ехал по правилам!
— В отделении разберемся.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша!

Рисунок О. КОРНЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Я не присутствовал на работе три дня. Причина в том, что накануне встретился с друзьями. Поехали к одному товарищу на дачу. Думал вернуться к работе, но встреча затянулась. Не обошлось без спиртного, которое категорически мне противопоказано. Пересилить себя не смог. А дальше — больше: то гости к нам, то мы в гости. Это меня настолько физически и морально выбило из колеи, что, когда надо было идти на работу, я понял и почувствовал, что могу только лежать, а не стоять».

(Из объяснительной записки.)
Переписал Б. ПОЗДНИН.
г. Горький.

«Протокол
о нарушении правил и сроков охоты

Я, участковый уполномоченный Боготольского РОМ Плохотник Н., составил протокол на гражданина Баранцева Сергея Афанасьевича, год рождения 1900, пенсионер, в том, что 6 ноября 1967 г. он допустил нарушение, выразившееся: грозил жене, имея оружие — ружье, охотничий билет просрочен».

Прислал ЖДАНОВ.
г. Красноярск.

«Начальнику цеха
от мастера Степанова Н. А.
Объяснительная записка

Я пропустил дежурство по цеху в ночь на 11-е ноября, так как отмечал день рождения товарища, не рассчитал своих возможностей, и поэтому охрана завода меня не пропустила, потому что был в пьяном состоянии.
Утром я не мог выйти на рабо-

ту, потому что сильно болела голова.

14-го ноября опоздал на работу на час, так как долго не мог уснуть после беседы лично с Вами».

Копию сняла К. БУИНА.
г. Выборг,
судостроительный завод.

«Покой пчел может быть нарушен прослушиванием пчел путем простукивания».

«Если на пасеке появились грызуны, то надо привлечь к ночному дежурству котов».

(Из инструкции, присланной в редакцию газеты.)
Выписал А. ПЕТУШКОВ.
Владимирская область.

«Объяснительная
Я пропустил три недели — 18 рабочих дней из-за своей халатной относительности к рабочей ответственности. Обещаю впредь этого больше не будет».

Копию снял Н. ВАХРУШЕВ.
г. Тулун.

«При доении корова привыкает к одному лицу и ведет себя смиренно. Однако наш председатель часто меняет лица на ферме, и поэтому животные начинают лягаться».

(Из заметки в стенгазете.)
Списал А. МАСЛОВ.
г. Кинешма.

«На ваш № 19/3—1953 от 17/VI—67 г. сообщаем, что исходящим нашим № 616 от 1/VI-67 г. исполнен ваш исходящий № 19/8—11 от 16/V—1967 г.».

(Из ответа на запрос.)
Копию снял И. ЕЖИКОВ.
г. Пермь.

А. КОСТОВЕЦКИЙ

Эпиграммы

ОТВЕТСТВЕННОМУ СЪЕМЩИКУ ТРИБУНЫ

Он продирался к сути дела,
Груз общих мест неся,
как крест.
И целым залом овладела
Охота к перемене мест.

ФУТБОЛИСТУ — ЛЮБИТЕЛЮ БОТАНИКИ

Тяжелым бутсам волю
дав в футболе,
Разнес он пять носов
и три стопы,
Всем доказав, что
на футбольном поле
Ждут игрока и розы
и... шипы.

Б. КОНСТАНТИНОВ,
Вл. РАЦЕР

ПРИНЯЛ

Представитель треста быстро,
Без претензий принял дом:
До приемки «принял» триста
И четыреста — потом.

Г. МОРОЗ

БЕЗДУШНЫЙ ПОВАР

Себя шеф-повар превзошел!
Скажу вам, правды не нарушив:
Он душу вкладывал в котел!
А мясо брал в обмен на душу...

КРОКОДИЛ

№ 9 (1875)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

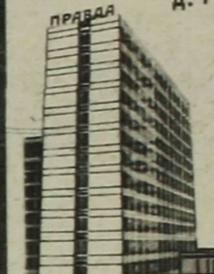

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
Г. Андрианов, М. Вайсборд, В. Гинуков, А. Грунин, В. Жаринов, О. Нагорняк, В. Соловьев, Н. Стапиловский, И. Сычев, В. Тамаев, В. Тильман, М. Ушац, Е. Шабельник, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

Д 0-10-86
Д 3-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[ответственный секретарь]
Б. А. ЕГОРОВ
[зам. главного редактора]
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00044.
Подписано к печати
18/III 1968 г.
Формат бумаги 70×108½.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 600 000 экз.
(1 завод: 1—3 859 300)
Изд. № 189.
Заказ № 793.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

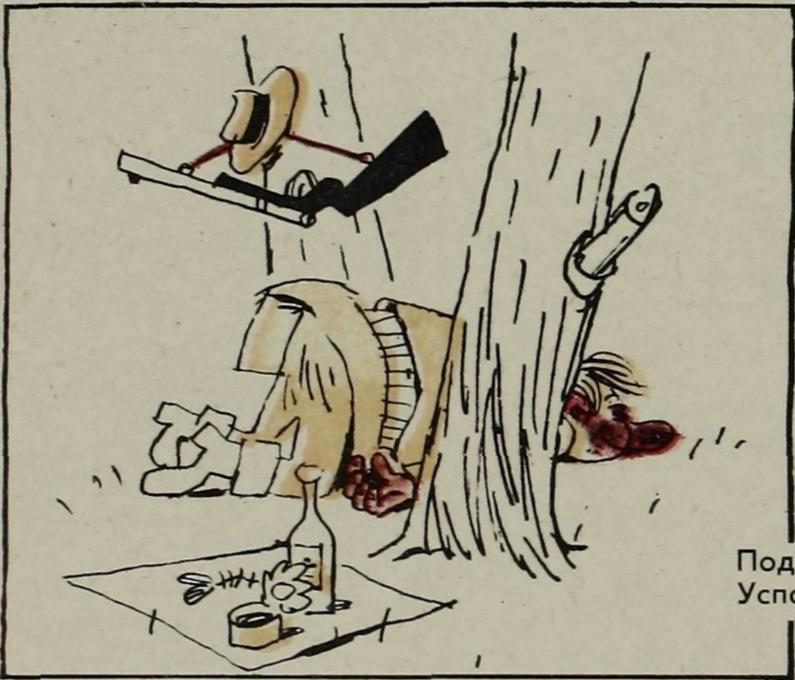
Знакомые мелодии

— А жене скажи, что в степи замерз!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Но тайна твои покрывала черты...

Рисунок А. ГРУНИНА

В предсмертных мученьях трепещут тела...

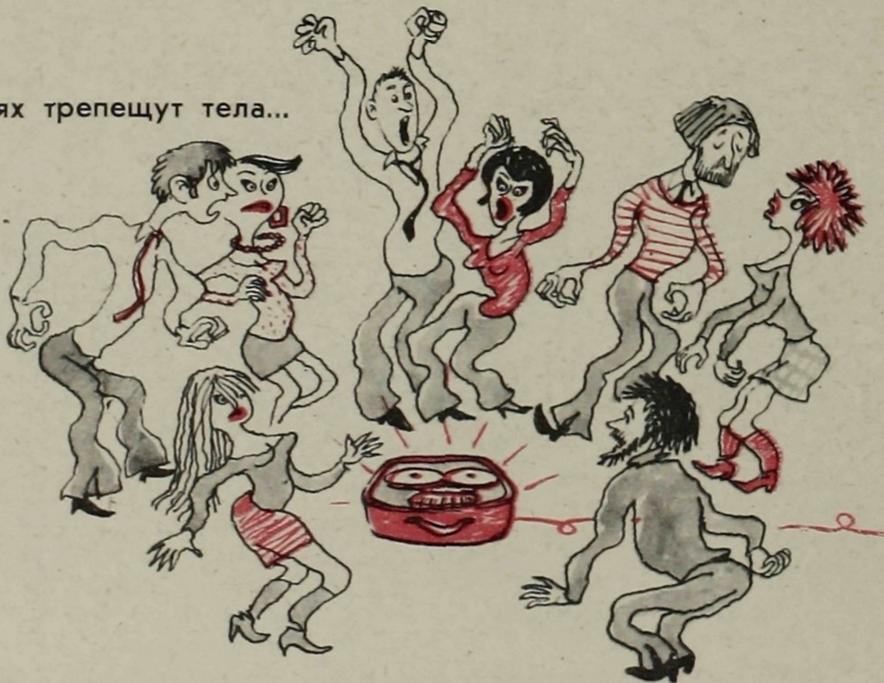

Рисунок Е. ГУРОВА

— Мой старый друг, фонарик мой...

Рисунок В. ГИНУКОВА